

Один из величайших писателей нашего века.

Милан Кундера

ВИТОЛЬД ГОМБРОВИЧ

Впервые
на русском!

ОДЕРЖИМЫЕ

Большой роман (Аттикус)

Витольд Гомбрович

Одержимые

«Азбука»

1939

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

Гомбрович В.

Одержимые / В. Гомбрович — «Азбука», 1939 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-33479-3

Двадцатилетний тренер по теннису приезжает в загородное имение, чтобы помочь юной барышне, известной теннисистке, поддержать спортивную форму. Между молодыми людьми с первого же дня устанавливаются странные отношения: оба чувствуют необъяснимое притяжение, несмотря на разницу в положении и тот факт, что барышня уже обручена. Ее жених служит секретарем у богатого князя, отпрыска старинного рода, и проживает с ним в мрачном замке неподалеку от имения. Говорят, в этом замке обитают потусторонние силы, а неприступные стены хранят невероятные богатства. Вскоре события приобретают воистину непредсказуемый характер... Витольд Гомбрович — пожалуй, самый известный польский писатель XX века, мастер гротеска и «психологического шантажа» (так назвал своеобразный стиль автора Джон Апдайк). Гомбрович был номинирован на Нобелевскую премию четыре раза, его произведения известны по всему миру. «Одержимые» — причудливый готический роман о любви и тайнах прошлого — вышел в свет незадолго до оккупации Польши немецкими войсками и в то время остался почти незамеченным. Лишь в 1990 году роман был издан полностью под настоящим именем автора, а вскоре приобрел широкую известность и был переведен на многие языки. Впервые на русском!

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-389-33479-3

© Гомбрович В., 1939

© Азбука, 1939

Содержание

Глава I	7
Глава II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Витольд Гомбрович Одержимые

Witold Gombrowicz

OPĘTANI

Copyright © Rita Gombrowicz & Institut Litteraire

All rights reserved

Перевод с польского Ирины Адельгейм

Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. Е. Адельгейм, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

Глава I

– Разве вы не видите табличку с надписью «Не высовываться»? Или для вас распоряжение властей ничего не значит?

Такое замечание сделал юноше, что высовывался из окна, пожилой блеклый господин в пенсне. Случилось это в поезде, где-то за Люблином. Молодой человек убрал голову из окна и обернулся.

– Не знаете, какая сейчас станция будет? – поинтересовался он.

– Если я спросил, известно ли вам о том, что запрещено высовываться из окон движущегося поезда, то, как мне кажется, следует сперва ответить на мой вопрос, а уж потом задавать свой, – еще строже заметил этот любитель порядка с рыбьим лицом, жесткой щетиной волос и поблескивавшей на животе золотой цепью карманных часов.

Молодой человек отозвался – мгновенно и беспечно:

– А, прошу прощения.

Эти мгновенность и беспечность вызвали в рыбоподобном господине еще большее раздражение. Советник Шимчик чрезвычайно любил поучать и муштровать окружающих и терпеть не мог, когда те воспринимали его замечания недостаточно серьезно. Он окинул свою жертву неприязненным взглядом.

То был юноша со светло-русскими волосами, лет, вероятно, двадцати, на редкость ладно сложенный. Хотя лето подходило к концу и вечера случались прохладные, на нем были синяя сетчатая майка, серые брюки и теннисные туфли на босу ногу.

«Кто бы это мог быть? – размышлял советник. – Везет с собой аж две ракетки – сын, что ли, кого-то из местных? С другой стороны, кожа на руках огрубевшая, за ногтями не следит, как если бы занимался физическим трудом. Впрочем, и волосы не слишком ухоженные, да и речь скорее простонародная. Что ж тогда – пролетарий? Нет, откуда у пролетария возьмутся такие уши и глаза? Но опять же, губы и подбородок – совершенно крестьянские... И вообще, есть в нем нечто подозрительное... какая-то помесь».

Остальные пассажиры, похоже, были того же мнения, поскольку украдкой разглядывали молодого человека, который стоял, прислонившись спиной к стенке вагона. Советник Шимчик в конце концов так заинтересовался этим вопросом, что решил покамест отказаться от дальнейшей полемики на тему недостаточно серьезного отношения к наставлениям и советам компетентных лиц. Теперь он приступил к выяснению анкетных данных незнакомца, что, впрочем, давалось ему тем легче, что, даже будучи в отпуске, советник всегда ощущал себя чиновником, привычно заполняющим графы в формулярах.

– Род занятий? – спросил он.

– Тренер по теннису.

– Возраст?

– Двадцать.

– Двадцать? Что – двадцать? Двадцать лет? Извольте отвечать четко! – Советник потерял терпение и вспылал.

– Двадцать лет.

– Куда едете? – подозрительно поинтересовался советник. Этот тип нравился ему все меньше. Шимчик всегда испытывал некоторое недоверие к людям, которые слишком поспешно и послушно отвечают на вопросы; многолетний канцелярский опыт учил его, что, как правило, у таких личностей либо уже имеется что-то на совести, либо вот-вот появится...

Парень ответил:

– Еду недалеко, в одно имение, куда меня наняли. Тренером.

– А! – воскликнул советник. – Не в Польку ли к Охоловским? Да? Ну разумеется! Я сразу догадался, ведь панна Охоловская, скажу я вам, прирожденная теннисистка. Надолго вы туда?

– Не-е-ет... А впрочем, не знаю, как получится. Я должен починить ракетки, привести в порядок корт и начать тренировать барышню, поскольку ей, как я понял, не с кем играть.

– Я тоже туда еду, – счел нужным сообщить советник и, протянув руку, произнес в пространство: – Шимчик.

На что тренер, поклонившись, отвечал:

– Вальчак.

В этот момент к ним приблизился бодрый старичок, который с самого начала внимательно прислушивался к беседе.

– Господа, так вы в Польку? – воскликнул он. – Какая удача, я ведь тоже туда направляюсь. Позвольте представиться, – обратился он к советнику. – Сколинский Чеслав, профессор. Если быть точным – историк искусства. Сколинский! Вы, верно, в пансион? Вам там понравится, голубчик, смею вас заверить! Усадьба в Польке – это рай, а не пансион. Порой я даже испытываю радость оттого, что помещики разоряются и вынуждены открывать в усадьбах пансионы, ведь нигде так хорошо не отдыхается, как в деревне. Я провел там уже две недели, а сейчас всего на денек заскочил в Варшаву и вот возвращаюсь обратно. Чудесное, чудесное место, голубчик! Кстати! – воскликнул он, обращаясь к молодому тренеру. – Панна Майя Охоловская, ваша будущая партнерша, тоже едет в этом поезде. С вашего позволения – Сколинский, профессор, если быть точным – историк. Я бы вас ей представил, но не хочу показаться неделикатным: она едет с женихом... Точнее, ее жених едет с князем Гольшанским – знаете, тот князь из Мыслочи? Это тоже рядом с Полькой... Так вот, ее жених, пан Холявицкий, едет в одном купе с князем, у которого служит секретарем, а она, бедняжка, – в соседнем купе. Князь немного... того... – Он постучал пальцем себе по лбу. – И секретарь не имеет возможности отлучаться от него. Впрочем, нам в любом случае не стоит мешать молодой паре.

Мерно покачиваясь, поезд мчался по печальной местности, в свете заходящего солнца казавшейся темно-зеленой и плоской. Все чаще с обеих сторон подступали леса, все чаще состав стремительно прорезал мелкие сосновые перелески. Господа углубились в беседу, а Мариан Вальчак, тренер люблинского клуба «Зеспул», насвистывал, глядя на проплывающие за окном пейзажи. Он скучал. Он вообще часто скучал. Порой на него накатывала такая скука, что просто невольно становилось. Вальчак решил прогуляться.

Вагон первого класса, по которому он сейчас шел, был почти пуст, но одно купе прилекло его внимание.

«Наверное, здесь едет этот князь», – подумал он и, притворившись, будто поправляет волосы перед висевшим на стене зеркальцем, заглянул внутрь.

Картина, представшая его глазам, и в самом деле оказалась любопытной. Огромные чемоданы чрезвычайно старомодного вида громоздились на полках; открытый несессер, помнивший, пожалуй, еще времена Наполеона, величественно покоился на дешевом грубом пледе фабричного производства. Трость, инкрустированная слоновой костью, соседствовала с весьма потрепанным зонтом; повсюду во множестве лежали свертки, пакетики с провизией, коробки... Все это, вместе взятое, навевало мысли чуть ли не об эпохе дилижансов.

Среди разбросанных в беспорядке предметов роскоши и дешевых вещичек дремал, положив голову на вышитую подушку, маленький тщедушный старичок в неправдоподобно ветхом костюме с огромной заплатой на правом колене. Но при всей возбуждающей жалость дряхлости в чертах его лица читалось нечто столь властное и утонченное, что любой, едва взглянув на него, понимал: сидящий напротив элегантный господин в отлично скроенном костюме – не более чем секретарь, находящийся в услужении у сей величественной особы. Секретарь держал в руках раскрытую книгу, но не читал, а задумчиво смотрел в окно.

Почтенный старец внезапно чихнул и открыл глаза – а открыв их и обнаружив уставившегося на него юношу, немедленно вытаращил и выпучил свои маленькие голубоватые глазки так, точно привидение увидал. Лицо его покраснело. Он попытался что-то сказать, пошевелил губами и вдруг тоненько вскрикнул:

– Франек! Франек! – И протянул руки вперед. Но его спутник тут же отвернулся от окна и быстрым движением опустил шторку на двери.

Вальчак, не очень понимая, что произошло, почел, однако, за благо удалиться и заглянул в следующее купе. Здесь он обнаружил картину не менее любопытную и даже в чем-то схожую с давешней, но в чем-то и диаметрально противоположную. В купе находилась молодая девушка – и спала.

«Ага, – подумал юноша, – это небось та самая панна Охоловская».

Лица разглядеть он не мог, поскольку его закрывала рука, но Вальчака удивило то, как спала девушка: элегантно одетое, стройное и нежное тело было перекошено и небрежно пристроено в углу, а согнутые в коленях ноги закинута на противоположную скамью таким образом, что оказались чуть ли не выше головы; попытайся кто-нибудь специально найти самую неудобную позу для сна, он и то не смог бы улечься более эксцентричным и даже бесчеловечным образом. Так и подмывало потрясти девушку за плечо и воскликнуть: «Да как это вы так спите?!»

– Она ведь спит, совершенно не заботясь о себе, – пробормотал он. – Точно вовсе себя не уважает. Как будто ей все равно, голова у нее ниже ног или ноги ниже головы... А ведь вроде такая элегантная...

Поезд катился, монотонно погромыхая, все вокруг тряслось и подсакивало, в том числе и спящая девушка. Вальчак разглядывал ее с таким любопытством, что совершенно забыл, где находится и куда едет.

В сущности, она не слишком ему нравилась, он предпочитал женщин постарше и попышнее, но было в ней нечто такое, что он глаз не мог оторвать. И вдруг его осенило:

– Да ведь она спит в точности как я!

Действительно, всякий раз, проснувшись ночью, Вальчак обнаруживал себя в подобной позе – он спал точно так же, и товарищи даже не раз смеялись над ним. Ну ладно, он – это понятно, но чтобы столь утонченная барышня спала эдак вот, позабыв о самоуважении...

«Она спит, словно на лавке в полицейском участке, – подумалось Вальчаку. – Интересно, это и есть Охоловская?»

Ее легкое пальто висело на вешалке рядом с дверью. Из кармана торчал белый конверт. Юноша заколебался, но любопытство взяло верх над порядочностью: он вытаскил письмо и, поглядывая на спящую девушку, начал читать. Да, это была она. Письмо, адресованное Майе Охоловской, гласило:

Моя дорогая Майечка!

Если ты захочешь пробыть в Варшаве еще пару дней, то пожалуйста, я тут вполне справляюсь, а постояльцев – увы – очень мало. Ужасно, что нам приходится пускать чужих людей в наш милый старый дом. Но ничего не поделаешь! Если бы это, по крайней мере, окупалось! Однако я хотела написать тебе о другом. О твоей помолвке с паном Генриком.

Мое дорогое дитя, ты знаешь, как сильно я желаю тебе счастья. Я предоставляю тебе полную свободу решать, поскольку знаю, что ты все равно меня не слушаешься, но твоя скрытность мучает меня ужасно. Смешно писать об этом в письме, когда мы через пару дней увидимся, но честно признаюсь, что не умею с тобой разговаривать.

Разве может это не печалить мать – невозможность взаимопонимания относительно предметов столь важных и сокровенных? Однако отношения

между нами сложились таким образом, что иные вопросы я готова обсудить скорее с совершенно посторонним человеком, нежели с тобой.

Доченька моя дорогая, не сердись на мои слова. Я знаю, что ты меня любишь, и ты знаешь, что я готова за тебя жизнь отдать, но нет у нас с тобой общего языка. Поэтому хочу воспользоваться тем, что мы сейчас далеко друг от друга, и попытаться в письме сказать тебе то, что лежит у меня на сердце. Прими это к сведению, и не будем более этого касаться, хорошо?

В последнее время я боюсь за тебя настолько, что это отравляет мне всякую спокойную минуту.

Я боюсь твоей красоты, твоей молодости, я предпочла бы, чтобы ты была менее самоуверенна... Как бы это сказать? Я ощущаю в тебе ожесточенность, честолюбие, ненасытную жажду счастья. Мне кажется, ты так охоча до жизни, так теснит тебя наше скучное деревенское существование, что ты готова на все, лишь бы получить доступ к богатой столичной жизни.

Ты полагаешь, Генрик даст тебе все это? В самом ли деле ты к нему привязана или просто хочешь с его помощью вырваться отсюда? Быть может, ты уже и сейчас знаешь, что спустя пару лет оставишь его?..

Впрочем, даже если ты ощущаешь к нему симпатию, не объясняется ли это чувство как раз родством ваших натур, этой ненасытной жаждой жизни? Порой мне кажется, что ни он тебя не уважает, ни ты его, – что это просто расчет и союз двух совершенно диких зверей. Боже, что я такое пишу! Ну да ладно. Если я ошибаюсь, если это просто отсутствие понимания со стороны старой женичины, каковой я являюсь, воспитанной в другие времена и на других идеалах, то не держи на меня зла.

Однако пойми, как мучительны для меня подобные предположения. Мир с каждым днем становится для меня все более страшным и загадочным. Вы, молодые, не обладаете чувством собственного достоинства, не уважаете ни себя, ни других – вот что хуже всего.

Деньги, которые ты взяла в Варшаве, можешь потратить полностью, поскольку я неожиданно получила 1300 злотых: Липковские расплатились. Я настолько отвыкла от крупных сумм, что, ей-богу, боюсь держать такие деньги дома! Пока положила в твой шкаф, в левый ящик. Пожалуйста, не экономь, купи себе из гардероба все, что требуется, на это мы всегда найдем средства, всенепременно. Ужасно, что я сама поощряю в тебе тягу к роскоши, но ты мне слишком нравишься! Это худшая из моих слабостей! Надеюсь, ты подлиффовала свою игру за эти несколько дней в Варшаве. Не сердись на меня, детка, подумай о том, что я написала, и сделай вид, будто не получала этого письма. Ты любишь меня?

Мама

Вальчак сунул письмо обратно в карман пальто.

Да, это была панна Охоловская, талантливая теннисистка, которую начиная с завтрашнего дня ему предстояло «подтягивать», – его будущая партнерша. Ага, значит, она мечтает удачно выйти замуж – ну разумеется, кто ж не мечтает, все эти барышни желают удачно выйти замуж и жить в свое удовольствие.

«Прямо как я!» – подумал он и рассмеялся.

Поезд замедлил ход. Вальчак вернулся в свой вагон, где советник Шимчик и профессор Сколинский уже снимали с полок чемоданы и надевали пальто. Вагоны качнулись и замерли.

– Выходим! – воскликнул профессор. – Стоянка всего две минуты!

Глава II

– Лошади из Польки?

Такой вопрос советник Шимчик обратил в пространство, выйдя на крыльцо станции. Носильщик тащил за ним два чемодана и тюк с постельным бельем.

Не получив ответа, советник повторил вопрос громче, но компания юных зевак восприняла его с полнейшим равнодушием.

Спроси Шимчик кого-нибудь из них лично, он моментально получил бы всю необходимую информацию, но поскольку вопрос был обращен в пространство, парни смотрели на советника как на бесплатное представление.

– Вот как голосит! – даже воскликнул младший из них, ковыряя в носу.

Это раздосадовало советника, и он покраснел. Но тут же остыл и успокоился... как вдруг кто-то толкнул его сзади.

– Прошу прощения, – сказал он, оглядываясь. – Поосторожнее, будьте так любезны! Вы задели меня сумкой.

– Что? Я? Вас? Сумкой? Ах, тысяча извинений! – воскликнул профессор, ибо это именно он случайно толкнул Шимчика в спину своей сумкой. – О, кого я вижу! Панна Майя! Господа, позвольте вас представить. Пан... как же это... Шимон...

– Советник казначейства Шимчик, – представился советник и добавил: – Я телеграфировал о своем приезде.

– Тысяча извинений. Шимчик. А это пан Миньчик... Он по части тенниса...

– Прекрасно! – сказала панна Охоловская, по очереди протягивая мужчинам руку. – Мы все поместимся, для вещей есть отдельная бричка.

Подъехал экипаж, они с профессором уселись сзади, а советник с Вальчаком устроились на скамье. Грязная дорога вела сквозь редкий лес; за ним то и дело открывалась плоская равнина, печальная и широкая.

Солнце уже село, от тишины звенело в ушах. Все молчали. Леса ни на миг не исчезали из поля зрения, хотя теперь путники катили по лугам; кое-где виднелись низкорослые деревья.

– Что за места! – произнес наконец советник.

– Да, глушь, бедность и тоска, – рассмеялась барышня, и Вальчаку показалось, что смех этот ему знаком. Он внимательно посмотрел на нее. Майя говорила очень тихо, то ли из кокетства, то ли по другим причинам, но это придавало ей некоторую таинственность. Однако... откуда он знает этот смех? Кто из его знакомых так смеется? Внезапно и без всякой видимой причины сердце у него забилося.

«Что за черт?» – подумал юноша.

Темнело, и вуаль надвигающейся ночи постепенно окутывала кроны деревьев... Большая луна поднималась над лугами. Вдали, в деревне, лаяли собаки. Вальчак не мог избавиться от чувства странного беспокойства, он напрягал зрение, пытаясь преодолеть опускающийся мрак, и вдруг юноше показалось, будто он видит сон... Огромная старинная карета (какие уже лет сто как вышли из употребления), запряженная четверкой лошадей, с грохотом, скрежетом и лязгом, едва не задев их, с невероятной скоростью промчалась мимо и исчезла в клубах пыли.

– Что это было?! – воскликнул советник.

Профессор высунулся и с любопытством посмотрел вслед удаляющейся карете.

– Это князь из Мыслочи, – сообщил он.

– Да, – сказала Майя. – Он, бедняжка, тоже возвращается из Варшавы. Вы ведь не знаете главной достопримечательности этих мест, – обратилась она к советнику. – Мыслочь находится в нескольких километрах от Польки. Мы едем сейчас по владениям князя.

– Но почему он пользуется таким средством передвижения? Словно при царе Горохе! – удивился Шимчик. – Ведь это неудобно и шумно.

– Почему? Да потому что он чокнутый! – воскликнул профессор. – Вот почему, голубчик вы мой! Старик с незапамятных времен чудит, и это еще мягко сказано. Меня удивляет, что князь вообще выбрался в Варшаву, он ведь обычно носа из своей фортеции не кажет. Пан Генрик, должно быть, с ним натерпелся, – обратился он к панне Охоловской.

– Еще бы, – ответила та. – Генрику с трудом удалось уговорить князя, но дела того требовали. В Варшаве он Генрика ни на шаг от себя не отпускал.

– Смотрите, смотрите, голубчик! – воскликнул профессор, обращаясь к советнику. – Отсюда виден замок, хотя, наверное, сейчас слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

Но луна уже заливала своим светом бескрайние равнины, кое-где отмеченные причудливыми силуэтами деревьев. В бледном сиянии что-то белело – это Мухавец медленно и лениво катил свои воды по долине, едва продвигаясь вперед и образуя огромные разливы...

Обширную водную гладь, открывшуюся взору советника, можно было бы назвать озером, если бы из нее в самых неожиданных местах не торчали камыши, тростник и лоза. Больше, чем озеро, это напоминало наводнение или скопление отдельных прудов. Кое-где суша и вода смешались настолько, что трудно было понять, какая стихия здесь главенствует.

Удивляло в этом безнадежно плоском пейзаже присутствие высокого холма, что вырос неведомо откуда и как и теперь возвышался над залитой водой равниной. Но еще больше поражало величие строения, располагавшегося на вершине этого холма.

Деталей Шимчик, который, впрочем, был близорук, не различал, однако же ощущал присутствие каменной громады – из нее вздымалась вверх столь же исполинская башня, насчитывавшая около шести этажей, с полуразрушенной и изъеденной временем верхушкой. Она царила над всем пейзажем, одинокая, величественная, властная... Подножие замка постепенно окутывал туман.

– До чего грандиозное сооружение! – воскликнул советник.

– Еще какое! – отвечал профессор. – Сто семьдесят ветхих комнат, залов и так далее и тому подобное! Но для историка искусства это не представляет никакой ценности. Эклектика, понимаете, голубчик? Разруха, запустение – типичная господская усадьба в состоянии полного упадка. Польша, да будет вам известно, – продолжал он наставительно, – небогата архитектурными памятниками. В давние времена здесь стояли великолепные замки, но почти все они были разрушены во время шведских войн, а уцелевшие погубили небрежность и бескультурье их владельцев. Сколько памятников архитектуры просто разобрали, чтобы использовать камень для строительства!.. Теперь самым красивым замком в Польше считают Ланьцут. Но Ланьцут – дитя, сопляк с короткой памятью! Да, там есть роскошь, оранжереи, мраморные конюшни и бог знает что еще, но патины – патины нет! История Мыслочи хотя бы насчитывает шесть столетий!

– Шесть столетий? – удивился советник. – В здешних краях?

– Да, – ответил профессор. – Это был еще древний град князей Гольшанских-Дубровицких. Здесь с незапамятных времен располагалось поселение... Этот замок, – добавил он не без нотки ностальгии, – может похвалиться славными страницами своей истории, но теперь... теперь это просто куча камней и больше ничего, да, вот оно как! Меланхолическое пристанище безумца и могила угасающего рода... Там уже сто лет живут одни сумасшедшие.

Они снова въехали в лес. Стало темнее, поскольку лунный свет лишь изредка пробивался сквозь ветви, и безмерная тоска сжала сердце Вальчака. К тому же его вдруг охватило такое беспокойство, что он едва сдержался, чтобы не выпрыгнуть из экипажа и не скрыться в чаще.

Печаль этих мрачных мест передалась и профессору – он умолк, и лишь советник продолжал рассуждать о типично польских пороках, а именно об анархии, неряшестве и неопря-

ности, а также об отсутствии надлежащей заботы и организации в деле сохранения памятников былого. На него никто не обращал внимания, поскольку все прислушивались к лесу, к прошлому, а может, и к своим собственным тайным тревогам.

Внезапно панна Охоловская обратилась к Мариану:

– Мы будем играть! – заявила она.

– Разумеется! – ответил тот и рассмеялся.

Показалось ему или она действительно взглянула на него очень внимательно? Да, он поймал ее изучающий взгляд, украдкой скользнувший по его лицу. Вальчаку пришло в голову, что, возможно, она заметила его манипуляции с письмом, – но нет, не может этого быть, она ведь спала.

Тогда отчего же она так его рассматривает?

Юноша очнулся от своих дум, когда профессор объявил:

– О, подъезжаем.

И экипаж вкатился через ворота на просторную лужайку, где вновь прибывших немедленно окружили собаки.

Усадьба в Польке представляла собой большой старый дом с характерной высокой крышей и маленьким крылечком. Мариан отошел в сторону, ожидая, пока закончатся первые любезности и приветствия.

– Ага, – сказала наконец пани Охоловская, которой Майя что-то шепнула. – Прекрасно, что вы приехали. Моя дочь уже давно о вас мечтает. Марыся, проводи господина наверх и отнеси ужин в его комнату.

Она приязненно протянула юноше руку и исчезла вместе с остальными гостями.

Вслед за девушкой, державшей в руке свечу, Вальчак поднимался по узким скрипучим ступеням. «Его комната» оказалась крошечной каморкой на чердаке. Горничная была необычайно опрятна и, несмотря на юность, рассудительна. Она сказала:

– Вот таз и вода, а полотенце я сейчас принесу. Если вам что-то понадобится, пожалуйста, звоните, но, кажется, здесь и так все есть.

– Много у вас постояльцев? – спросил Вальчак, садясь на кровать.

– Да нет... Кроме тех, что приехали сегодня, еще одна докторша из Львова и еще одна дама. Сезон только начинается.

Она пожелала ему спокойной ночи и вышла. Вальчак шагнул к окну и попытался его открыть, но поддалась только форточка. Старые деревья в парке легонько шелестели, а сразу за ними начинался лес, безмолвный и глухой. Мариан снова ощутил тревогу. Ему казалось, что он зря сюда приехал и что еще не поздно сбежать, хоть бы даже и пешком. Но куда ему возвращаться? Вся его прежняя жизнь была цепью случайностей.

В десятилетнем возрасте он случайно стал подавать мячи в люблинском теннисном клубе. Отец, по профессии слесарь, был рад этой «должности» сына, который нередко приносил домой больше чаевых, чем он сам получал за день тяжелой работы. Мальчикам в клубе полагалось небольшое вознаграждение за каждый час игры, но нередко кто-нибудь из клиентов побогаче давал сверху пятьдесят грошей, а то и целый злотый. Правда, Мариан вскоре научился оставлять эти дополнительные доходы при себе.

Отец, заметив, что суммы уменьшились, но не имея возможности контролировать сына, начал его лупить, отчего мальчик только еще больше утвердился в решении прятать деньги от родителя. Мариан возненавидел его и даже под страхом смерти не отдал бы ему ни гроша. Он подрастал, и с каждым годом отношения с отцом ухудшались. Парень приспособился не ночевать дома, спал у друзей, а домой – где почти всегда получал головомойку – являлся раз в несколько дней.

В клубе же – красивые корты, посыпанные красной крошкой, солнце, господа и дамы в белых одеждах, шутки, возгласы, веселье – ах! Мариан освоился, выучился при помощи озор-

ных шуток и доли наглости выманивать чаевые, а в перерывах между сетами брал у игроков ракетку и пробовал делать основные удары. Старейший тренер и управляющий клубом в одном лице, Мечковский заметил способности мальчика и решил выучить его на тренера. Он выдал ему в постоянное пользование выдающую виды ракетку. К шестнадцати годам Вальчак уже умел правильно подавать мячи начинающим любителям «белого спорта» и часами тренировал школьников и гимназисток. Он также научился натягивать струны на ракетках и преуспел в умении тянуть с гостей деньги, внушая им, будто они обладают необыкновенным талантом.

Когда же его отец уехал в провинцию на заработки, мальчик окончательно перебрался к Мечковскому. Он стал подрабатывать в клубном ресторане, а точнее, в закуской, которую Мечковский постепенно и незаметно превращал в «ресторан» – и не только для членов клуба.

Но Вальчак пустился во все тяжкие – и на корте, и в ресторане. Ему наскучило тренировать дилетантов, он хотел играть сам – и начал больше заботиться о собственной игре, чем о партнере, «добывая» мячи убийственными драйвами, вместо того чтобы аккуратно подавать их сопернику, да и вообще сделался неприятен, упрям, непослушен, угрюм, недоволен, капризен. Он скучал. Почему – и сам бы не сумел объяснить. Ходил в кино, читал дешевые бульварные романы и мечтал о другой жизни. Ему казалось, что он лишь теряет здесь время – один час за другим; что вместо того, чтобы болтаться у Мечковского, он мог бы что-то сделать: куда-то поехать, что-то начать, придумать что-нибудь такое, что позволило бы ему наконец достичь чего-то большего...

По вечерам на него иногда накатывала такая тоска, что буквально хотелось руки на себя наложить. Юноше чудилось, будто он тратит себя впустую и может бесследно исчезнуть. Он почитывал «Спортивное обозрение», знал на память имена всех выдающихся игроков и представлял себе их заграничные вояжи, турниры, успехи, оvationи... Почему, черт возьми, он должен сидеть в провинциальном городишке, в жалком клубе, вместо того чтобы путешествовать и побеждать, как они? Да, у них был талант – они были настоящими игроками... А он, хоть и обыгрывал всех местных неумех, настоящей игры в глаза не видел.

Вальчаку настолько все опостылело, что, когда знакомый инженер предложил ему съездить на пару недель в Польку, юноша моментально согласился и стал умолять Мечковского отпустить его. О панне Охоловской в «Спортивном обозрении» писали как об одной из наиболее перспективных теннисисток молодого поколения.

– Я бы хотел поехать! – упрямил он Мечковского. – Она же сидит в деревне, там в округе никаких игроков нет, играть ей не с кем! Буду ее тренировать и ракетки чинить, да еще и на всем готовом. Какие-то несчастные две недели вы без меня точно справитесь! Хоть что-то новое!

Так он вырвался из города... А теперь, глядя в окно на неподвижные деревенские липы, начинал жалеть, что вырвался. Может, эта старая усадьба, а может, печаль, какой веяло от этих глухих мест, рождали в нем беспокойство и какое-то странное чувство горести. Он вспоминал все, что случилось с ним в дороге: загадочное восклицание князя, письмо, которое он прочитал, сон панны Охоловской, ее смех, ее взгляд, деньги, спрятанные где-то здесь, в шкафу... и сам не понимал, что же могло так его взволновать.

Вальчак сладко потянулся – так, что суставы хрустнули. А-а-ах! – и тихо, беззаботно рассмеялся при мысли о неожиданных событиях, великое множество которых еще ждет его в жизни.

В этот самый момент панна Охоловская в своей комнате, полураздетая, тоже потягивалась – с такой же улыбкой на губах, размышляя о некоторых своих планах и проектах на ближайшее будущее. Поднялся легкий ветерок, и липы за окном зашумели.

На следующее утро Вальчак и панна Майя медленно шли по лужайке к теннисному корту, откуда уже доносились голоса детворы, которую позвали подавать мячи. День был чудесный, безветренный, только белые перистые облачка плыли по бледно-голубому небу.

Оба были в белых теннисных костюмах, у каждого под мышками две ракетки.

Вальчак, прекрасно разбиравшийся в закулисной жизни «белого спорта», знал, что панне Охоловской неофициально (она еще не участвовала в крупных турнирах) случалось одерживать победу над ведущими ракетками, причем среди мужчин. Знатоки не раз отмечали ее на редкость разносторонний стиль игры, сулящий большие надежды и обещающий громкий успех за рубежом.

Что касается Вальчака, в клубе никто и мечтать не мог выиграть у него сет, но ведь там ни одного высококлассного игрока и не было. Поэтому с панной Охоловской он решил ограничиться только подачей мячей и отработкой отдельных ударов. Впрочем, барышня, похоже, и не ждала ничего из ряда вон выходящего. Хмурая и рассеянная, она шла молча, глядя себе под ноги, и, казалось, думала о чем-то своем. Выйдя на корт – отличный, как сразу оценил Вальчак, – девушка не проронила ни слова, лишь быстро отошла за заднюю линию.

– Форхенд! – крикнула она.

Юноша ударил по мячу, тот попал в сетку. Второй ушел в аут. Третий удар у него наконец получился, но панне Майе пришлось подбежать, чтобы отбить. Следующие мячи падали беспорядочно – то слишком близко, то слишком далеко. В конце концов она крикнула:

– Да как вы так играете?!

Он, не задумываясь, парировал:

– Как кто умеет, так и играет.

Она остановилась.

– Жаль, что вы не умеете лучше, – сказала она, пожимая плечами. Еще серия ударов – она возвращала мячи красивыми, отточенными движениями.

Вальчак поклялся себе, что не станет отбивать, но продемонстрированное девушкой пренебрежение слишком сильно задело его за живое.

Теперь панна Охоловская начала отрабатывать бэкхенд, особенно высокие мячи, которые отбивала с поворотом корпуса, заводя ракетку обеими руками почти за спину. Ее удары под заднюю линию были так хороши, что Вальчак не выдержал и, когда мяч оказался у него на ракетке, ударил. Мяч пролетел в дюйме над сеткой. Партнерша согнула колени, отвела ракетку далеко назад и молниеносно отбила кроссом.

Он бросился за мячом чуть ли не до того, как тот был отбит, и только благодаря этому сумел его принять.

Удар.

– Что-о-о?! – воскликнула она уже на бегу, наклонившись.

Между ними завязалась серия молниеносных кроссов с бэкхенда – ракетки зазвучали ритмично и быстро. Панна Майя сама не заметила, как оказалась вытеснена с корта мощными ударами партнера. Вальчак же подбежал к сетке и, когда девушка попыталась вывернуться при помощи высокого лоба, выдал убийственный смэш, против которого она оказалась совершенно бессильна.

– Играем сет! – крикнула она.

Для самого Вальчака его успех тоже был неожиданностью. Он понимал, что розыгрыш оказался исключительно удачным... но похоже – о диво! – особой разницы в их игре нет? Он сосредоточился и правильно принял ее резкую и точную подачу. Ракетки снова зазвенели. Первые пятнадцать очков были его!

«Либо она играет хуже, чем я думал, – мелькнуло у него в голове, – либо я играю лучше...»

И вдруг он ощутил где-то в самой глубине своего существа почти мистическое единение с природой; его посетило то чувство уверенности и непогрешимости, которое знакомо удачливому игроку – спортсмену или картежнику. Он понял, что действительно находится в отличной

форме. Прищурился и «убил» ее мяч безошибочным ударом в самый угол, выиграв первый гейм.

В следующем гейме панна Майя начала играть осторожнее: мяч долго летал над сеткой, успех оказывался то на одной стороне, то на другой. Тем временем на скамейках у корта появились гости пансиона, привлеченные звуками игры. Присутствие зрителей еще больше возбудило теннисистов, и партия незаметно превратилась в одно из тех исключительных, стихийных состязаний, которые в равной мере пьянят игроков и публику. Что касается Вальчака, то у него к увлеченности и самозабвенности примешивалась безумная радость открытия собственного таланта: теперь он уже не сомневался – каждый удар подтверждал это! – что превосходит панну Охоловскую, что у него есть «класс», что он на пути к подлинному мастерству! Вдобавок юноша ощущал некое удовлетворение оттого, что именно Майю он «бьет как хочет».

Внезапно Вальчак, неизвестно отчего, испытал чудовищное ожесточение по отношению к партнерше; стиснув зубы, он бил по мячу, словно бил по ней самой, напряженным взглядом ловил все ее движения, со звериным чутьем предугадывал ее действия.

Но и в панне Майе, помимо изумления, появилось такое граничащее со злостью ожесточение, что она сама поразилась.

Пара сражалась в совершенном молчании, а публика на скамейке, хоть и не разбиралась в технических деталях игры, была настолько захвачена ее яростью, что даже перестала аплодировать.

Во время решающего розыгрыша в полной тишине отчетливо прозвучала негромкая реплика одной из наблюдавших за игрой дам:

– Как они похожи!

– В самом деле, – отозвалась другая. – Это поразительно!

И тут панна Охоловская не побежала за мячом. Она остановилась и вышла с корта.

– Спасибо, – сказала она. – Хватит.

– Как так? – удивился Мариан. – Сет доигрывать не будем?

Оба тяжело дышали. Она взглянула на него:

– Нет.

Она была бледна. Вальчак тоже побледнел и с трудом сдержался, чтобы не чертыхнуться. Что с ней? Но он промолчал.

Публика встретила их возгласами:

– Почему вы прервали игру? Это было невероятно захватывающе!

– Вы прекрасно играете! – воскликнула пани Охоловская, обращаясь к Вальчаку. – Уж я-то немного в этом разбираюсь... Где вы прятались? Кто вас учил? Вы делаете элементарные ошибки, но талант поразительный! Вы не тренер, вы игрок – вам самому нужен тренер!

– Феноменальный удар! – вскричала одна из дам, полная блондинка с глазами навывкате. – Особенно эти косые удары... Исключительные!

– Потрясающие! – вынесла вердикт другая дама, худая, даже костлявая. – Хотя, на мой вкус, слишком сильные. Моя дочка с подружкой держат мяч гораздо дольше. Конечно, это не аргумент – вы играете великолепно, а ваша дочка, – обратилась она к пани Охоловской, – играет ангельски, ангельски!

– Дьявольски, пожалуй! – возразила толстушка. – Что за темперамент!

– Ну-ну, – заметил советник Шимчик, – не стоит преувеличивать. Не следует злоупотреблять похвалами. Знай мы, как сильно похвалы кружат голову, были бы осторожнее. Атмосфера здоровой критики гораздо полезнее, – добавил он, протирая пенсне. – И не надо преувеличивать значение спорта!

– Вы играли восхитительно! – воскликнула, экзотически вздохнув, дородная докторша. – И вообще, прелестная пара! И как похожи – можно подумать, брат и сестра.

– Не вижу никакого сходства, – холодно ответила пани Охоловская.

– Разумеется, разумеется, голубушка, как же иначе! Естественно! И все же есть у них нечто общее: схожий темперамент, схожая жесточенность, азарт – конечно, это лишь поверхностное впечатление, голубушка... Не надо понимать это буквально.

Пани Охоловская тихонько вздохнула. Чрезмерный критицизм и назидательность советника Шимчика – ничто в сравнении с проблемами, которые создавали ей эти дамы. Худая любезничала кисло и холодно, а толстая – приторно и горячо, но ни та ни другая не упускали случая уколоть хозяйку и сказать что-нибудь обидное.

Обе были убеждены, что пани Охоловская, помещица, которую финансовые проблемы вынудили открыть в имении пансион, считает это унижительным и испытывает к своим гостям неприязнь. Поэтому (хотя пани Охоловская никакой неприязни никогда не проявляла и даже в глубине души была им искренне благодарна) они на всякий случай решили занять оборонительную позицию и дать помещице понять, что тоже не лыком шиты.

Обычно Охоловская воспринимала их саркастические реплики абсолютно невозмутимо, но на сей раз замечание толстой докторши задело ее за живое. В нем была доля правды! Майя действительно чем-то походила на тренера, и это сходство встревожило мать, поскольку заключалось оно не в чертах лица, а в чем-то ином, неуловимом... Мать, что так тряслась над дочерью, ощущала в этом сходстве нечто дурное, хотя никак не могла понять, в чем заключается связь между Майей и этим... как его... паном Вальчаком.

О, в ее чувствах не было никакой спеси – мать Майи совершенно не страдала всякого рода шляхетскими заскоками, она слишком хорошо понимала суть великих социальных переворотов, которые медленно, но неумолимо стирали границы между классами и кастами. Так что если ее это встревожило и даже задело, то не из-за неуместного снобизма, а по причинам нравственного порядка.

Ей казалось, что связывает их некая общая черта характера, родство натур... Что-то неуловимое, но определенно дурное, даже зловещее. Пани Охоловская провела рукой по лбу: а может, ей только кажется?

– Пойдемте обедать, – сказала она.

– Ах, обедать, душечка вы моя! – разливалась соловьем расплывшаяся пучеглазая докторша. – Представляю себе эти деликатесы! Уж в деревне-то умеют покушать – право, тут едят с утра до вечера!

– Сколько людей умирает с голоду, пока мы тут обжираемся, – кисло заметила худая дама, поднимаясь со скамьи.

– Регламентация питания, – заговорил советник. – Реорганизация и нормализация как поглощаемых, так и выделяемых веществ с точки зрения экономики является государственной необходимостью, которая должна быть реализована посредством специальных норм. Каждый гражданин обязан потреблять ровно столько, сколько требуется для надлежащего выполнения обязанностей перед государством.

Они медленно направились к дому.

Вальчак, который сразу после игры отошел на другую сторону площадки, чтобы немного успокоиться, не слышал, о чем они говорили, но ощущал на себе их взгляды. Однако теперь он почувствовал, что за ним наблюдает кто-то еще. И это была не Майя.

Панна Охоловская разговаривала чуть поодаль с высоким, широкоплечим и очень тщательно одетым мужчиной, в котором он сразу узнал господина, сопровождавшего в поезде князя Гольшанского.

Видимо, он приехал верхом, так как был в соответствующем костюме и постукивал хлыстом по голенищам сапог. Вот этот-то хорошо выбритый, рослый, холеный секретарь князя Гольшанского, жених Майи, и смотрел на него. Разговаривая со своей невестой, он не сводил с Вальчака глаз, держась с бесцеремонностью человека, весьма уверенного в себе и не заботя-

щегося о чужом мнении. Вальчаку была знакома эта бесцеремонность, свойственная золотой молодежи, иногда посещавшей клуб и ресторан Мечковского.

«Чего он на меня уставился?» – подумал он зло.

Вальчака трясло от ярости. Игра с Майей скорее разозлила его, чем ошеломила. Причем больше всего разозлило юношу то, что после девушка не сказала ему почти ни слова, а теперь беседовала с женихом так безмятежно, будто не она четверть часа назад билась из последних сил на корте.

Но за обедом (на сей раз Вальчак ел вместе со всеми внизу, в столовой) равнодушные панны Охоловской перестало его раздражать. Наоборот, оно начало его забавлять.

Должно быть, девица в бешенстве из-за того, что он ее победил и явно превосходит в игре. Это было не равнодушие, а как раз наоборот – злость и чувство унижения оттого, что он, простой тренер, оказался лучше.

«Переживает!» – подумал юноша, и это буквально опьянило его и одновременно сблизило с панной Охоловской.

Сидя на дальнем конце стола, он вдруг почувствовал себя ближе к этой девушке, чем все остальные – даже чем жених, и отчего-то его охватила уверенность, что она нарочно притворяется, будто не обращает на него внимания, хотя на самом деле вся сосредоточена на том, что он делает.

Чтобы проверить, он взглянул на нее через стол – она не смотрела в его сторону, но мгновенно покраснела как маков цвет.

Она опустила голову, однако в этот момент жених, пан Холявицкий, начал рассказывать какую-то смешную историю, и все рассмеялись.

Непонятно. Почему она покраснела? Только ли из-за проигрыша?

А почему она смотрела на него в экипаже? А почему разглядывал его Холявицкий?

А почему остальные украдкой переводили глаза с нее на него и с него на нее, словно не в силах удержаться? То один, то другой будто случайно бросал взгляд на него, потом на нее или наоборот, даже пани Охоловская...

Сразу после обеда Мариан отправился в лес и быстро зашагал вперед по заросшей тропинке среди молодых деревьев, отмахиваясь от тяжелых, крупных мух, которые садились на его голые плечи.

Безумная радость распирала юношу. Он не мог думать ни о чем, кроме этой партии в теннис, вновь и вновь переживая все моменты игры; в голове у него звенели струны ракеток.

Неужели он и в самом деле талантлив? Почему никто прежде не говорил ему этого? Правда, в клубе он играл небрежно и у него просто не было возможности продемонстрировать, на что он способен, – ни себе, ни окружающим. А ведь у него всегда было предчувствие, что он лучше их, – оттого-то он и был недоволен! Оттого и чувствовал, что зря тратит время! Оттого и хотел вырваться в большой мир! Ах, надо любой ценой добраться до Варшавы, пусть его увидят, оценят его возможности, подучат немного – а потом он станет колесить по миру, как Глочинский! Его обдало жаром, и от этой нахлынувшей волны счастья юноша даже остановился.

И снова разгоряченное воображение напомнило ему о нескольких великолепных ударах, которые он сделал в моменты почти безнадежные. Нет, он играет определенно лучше ее! На класс выше! Что она в сравнении с ним! Вальчак решил вечером поговорить с Майей и попросить оказать содействие в знакомстве с варшавскими теннисистами. Вряд ли она будет долго ревновать к его игре, она ведь женщина – какая между ними конкуренция...

Вальчак неожиданно оказался у реки, лениво катившей свои воды через лес. Он разделся и погрузился в теплое, медленное течение. Проплыл немного, выбрался на маленькую песчаную отмель, где солнце сильно припекало. И вдруг почувствовал себя совершенно обессиленным.

И уснул...

Когда Вальчак проснулся, солнце уже клонилось к закату. Вода в реке сделалась зеленоватой, фиалковой с серебристыми бликами, лес благоухал. Мариан вплавь вернулся обратно и оделся. Он направился к усадьбе, но мысли о карьере, поездках, путешествиях, триумфах не оставляли его ни на мгновение, шагали вместе с ним по этому редкому высокоствольному лесу.

Его охватила бешеная жажда действия. В конце концов он побежал, чтобы выплеснуть энергию, помчался вперед, словно удирая от самого себя...

Так он бежал километра два, пока в изнеможении не остановился у подножия большого дуба, где, рухнув наземь, уткнулся лицом в сырой мох.

И вдруг сверху донеслось:

– Там кто-нибудь есть?!

Парень в изумлении задрал голову. На дубе, где-то очень высоко, среди ветвей, виднелась человеческая фигура. Голос раздался снова:

– Помогите!

– Что случилось?! – закричал он.

– Помогите мне спуститься. Я не могу спуститься, голова кружится.

Вальчак с легкостью вскарабкался на дерево и, добравшись до середины, обнаружил... профессора, который, сидя верхом на ветке почти у самой вершины, судорожно цеплялся за ствол.

Зрелище было настолько комичным, что Мариан фыркнул.

– Сейчас! – крикнул он.

– Быстрее, не то я упаду! Ради бога, спасите!

Однако это оказалось не так просто. Ветви наверху были такими тонкими, что вряд ли выдержали бы двоих. Хрупкий ствол опасно раскачивался, к тому же профессор, вцепившийся в Вальчака обеими руками и впившийся в него ногтями, дрожал всем телом. Парень начал спускать Сколинского вниз, перебираясь с ветки на ветку и нимало не заботясь о том, какие следы это путешествие оставит на одежде несчастного, который лишь стонал:

– А-а-а!

Упав на мох, профессор несколько минут не мог прийти в себя, но наконец воскликнул:

– Где мой бинокль?

– Вот он, – ответил Вальчак, гадая, что старик делал на дереве с биноклем.

– Юноша, – торжественно произнес профессор, – если бы не вы, я бы упал, потому что не переносу высоты.

– Зачем же вы туда полезли? – спросил Вальчак, прикинувшись дурачком. – На замок хотели посмотреть? – вдруг догадался он.

Проследив за взглядом профессора, он увидел начинавшиеся за лесом болота; подалее, в нескольких километрах, высились стены и две угловые башни, над которыми громоздилась главная часть замка с островерхой крышей. Примерно из середины строения торчала самая высокая – четырехгранная – башня, замеченная юношей, когда они ехали со станции. Кое-где виднелись черные проемы узких окон; изъеденные временем грубые стены дышали надменным, мертвым одиночеством. Отсюда замок выглядел еще величественнее и как-то еще более фантастично...

– Гм... в том числе... – осторожно сказал профессор. – В том числе хотел и замок рассмотреть. А вы откуда здесь взялись?

– Я был в лесу и заблудился.

Профессор внимательно разглядывал его.

– Вы здесь чужой, – сказал он, словно размышляя о чем-то.

Вальчака забавляла его сморщенная, румяная физиономия, находившаяся в постоянном движении.

– Юноша, – наконец произнес ученый, – прежде всего знайте, что я разбираюсь в людях и сразу понимаю, с кем имею дело. Характер человека записан в его конституции – конечно, если уметь читать. Вы куда более опасный тип, чем кажетесь на первый взгляд. Хотите спросить, из чего я это заключаю? Да вот отсюда! – И он коснулся пальцами лица собеседника. – Сочетание ваших скул с линией губ, комбинация носа и глаз... Будьте осторожны, ибо, если не обуздаете свои страсти, окажетесь на скользкой дорожке, с которой... гм... Впрочем, не в этом дело. Мне кажется, нрав у вас буйный, но благородный. Итак, я готов посвятить вас в одну тайну, при условии, конечно, что вы ее сохраните. Я намерен попасть в замок, и, если вы мне поможете, я вас отблагодарю.

– А что, в замок разве нельзя войти?

– Вот именно что нельзя! В этом-то все и дело, что нельзя! – страстно воскликнул профессор. – Старый князь – сумасшедший, и отец его был сумасшедший, и дед. Уже сто лет никто не может попасть в этот замок, тем более что... тамошние секретари недоброжелательно относятся к людям, которые... Я хотел войти туда обычным образом, через ворота, но мало того, что они крепко заперты, так еще и выглянувший из окошка старый камердинер, полнейший склеротик, буркнул, что князь не велел впускать чужих. Во всем этом здании живут всего три человека – князь, секретарь и этот камердинер, и больше никого. Остальная прислуга не имеет доступа внутрь и ютится в уродливых лачугах, вон там, слева. Никого чужого в замок не пускают, а мне туда позарез нужно – всенепременно, хоть бы меня даже собаками вздумали травить.

– А зачем вам? – Вальчак с любопытством наблюдал за тем, как старик сердится. Тот скривился и посмотрел на Вальчака презрительно:

– Да что толку объяснять! Вы же и за сто лет не поймете! Юноша, если мои предчувствия, подозрения, выводы и знаки, на которые я наткнулся во время своих исследований, меня не обманывают, то этот замок – бесценное сокровище, единственное во всей Польше! В нем таятся залежи, слышите, залежи чудес! Это уникал! Раритет! Sensация!..

От волнения у него перехватило дыхание.

– Понимаете, наружные стены были возведены для обороны. Этот замок строился не для красоты, вот почему снаружи он выглядит как древняя крепость: суровая, военная... Я и сам всю жизнь думал, будто замок в Мыслочи ничем особенным не выделяется, кроме разве что своей древностью, – да будет вам известно, что возраст северного крыла исчисляется едва ли не шестью столетиями. Но однажды в римской библиотеке я наткнулся на письма нунция Альмари, это семнадцатый век. И оказалось, что нунций во время своих путешествий по Польше навестил в Мыслочи князя Гольшанского. Так вот, рассказывая о замке, Альмари упоминает великолепные росписи, которые он якобы там видел. Это меня поначалу не слишком заинтересовало, так как я решил, будто итальянец попросту льстит магнату. Однако в архиве рода Радзивиллов, близких родственников Гольшанских, я нашел, тоже случайно, документ «Реестр выплаченных сумм», составленный в Мыслочи в восемнадцатом веке, и обнаружил там – господи боже мой! – вот какие пункты: «Художнику за обновление двух древних плафонов, расписанных Долабеллой... Реставрация и украшение двух картин Йорданса... одна из которых изображает Поклонение, а другая – Цереру»... Уверяю вас, когда я это прочитал, меня прямо таки в дрожь бросило... Ладно, юноша, не буду вам объяснять, вы все равно не поймете! Скажу лишь, что стулья Габриэль д'Эстре, знаменитые стулья, которые она получила от своего любовника, французского короля Генриха Четвертого, также фигурировали в этой описи. А кроме того, шкафы Гуго Самбена! Представляете? А ведь там было перечислено только то, что надлежало реставрировать. Так сколько же еще бесценного антиквариата скрывается за этими стенами?! Что там внутри?! Какие чудеса?! Какие шедевры кисти и резца?!

Профессор, который только что упрекал Вальчака в страстности, теперь сам оказался в ее плену. Он был близок к слезам. Страсть старца и страсть юноши взглянули друг другу в глаза, не в силах понять друг друга, обе поглощенные лишь собой, почти незрячие...

– О! – воскликнул профессор. – Я должен это увидеть, должен прикоснуться к этому, должен точно выяснить, что там внутри. Ведь все это пропадает, разрушается с каждой минутой... Надо спасать, спасать!

– Сколько же может стоять такая картина? – спросил Вальчак.

– Смешной вопрос! – воскликнул профессор. – Такие вещи не оцениваются в деньгах. Но я вам скажу. Одна такая картина может стоять целый миллион!

– И что же – никто не знает, что там столько ценностей?

– Это-то меня и поражает! Каким образом в Польше сохранился такой оазис, такой никем не обнаруженный заповедник? Но я все понял, когда узнал, что на протяжении ста пятидесяти лет ни одно цивилизованное существо не допускалось за ворота замка. И что последние три поколения этой семьи – пьяницы, картежники, гуляки, люди, не имеющие ни малейшего представления о том, чем владеют, неспособные отличить ренессанс от готики. А раньше? Да разве эти господа хоть вот столечко разбирались в искусстве? Шедевры переходили от отца к сыну, и постепенно Гольшанские настолько привыкли к их присутствию, что просто перестали обращать на них внимание. Вдобавок всегда найдется секретарь, у которого имеются собственные причины не пускать в замок компетентного человека – под тем предлогом, что, мол, князь категорически это запретил!

Он понизил голос, подмигнул Вальчаку и вновь поинтересовался:

– Так где же мой бинокль?

– Говорят, секретарь князя – это пан Холявицкий, – заметил Вальчак, окидывая взглядом величественную резиденцию.

От подножия замка уже поднимались белесые испарения, отчего стены казались еще выше. Вдали небо окрашивалось последними лучами солнца, а внизу сгущалась плотная тьма.

Парень вздохнул, и неизвестно почему его снова охватила печаль.

– Пан Холявицкий, секретарь, кузен, администратор, уполномоченный, доверенное лицо, домочадец и управляющий именем! – насмешливо перечислил профессор. – Типичный экземпляр изысканного хама! Хам в обличье щеголя! Неотесанный франт! Хотя, может, там ничего и нет, может, все мои предположения ошибочны, – вдруг испугался он и выпучил глаза на замок, который, истаивая в надвигающейся ночи, одновременно отдалялся и словно бы увеличивался в размерах.

Собачий лай донесся от построек, разбросанных по склону замкового холма. А влажный воздух делался все более плотным и тяжелым, наливался туманом и, казалось, вот-вот был готов сгуститься в белесое марево.

Пронзительная окрестная пустота, малярийный, нездоровый климат, печаль и запустение заросших камышом болот, кое-где перерезанных гатями, – все это еще более усиливало ощущение трагизма и мистической таинственности древнего гнезда, обители вымирающего рода чудаков, медленно дряхлеющего и вымирающего вместе со своим замком.

Вальчаку делалось все более страшно, он боялся то ли призраков, то ли темноты, то ли еще чего-то, что могло неожиданно подкрасться к его ногам или выскочить из мрака и зарослей. У него была такая особенность – от радости он внезапно переходил к тоске, и тогда грусть и страх овладевали им безраздельно. А профессор тем временем не сводил глаз с темневшей громады замка, словно пытаясь взглядом преодолеть толщу стен.

Внезапно в одном из продолговатых окошек угловой башни вспыхнул свет. Странное дело, этот один-единственный, слабый, сиротливый огонек на фоне грандиозного строения еще более усилил ощущение пустоты: юношу передернуло при мысли, что на полторы сотни

комнат там всего три человека – князь, секретарь и камердинер; три человека, которые бродят по пустым, темным, сырым покоем, среди ветшающих богатств...

– В этом окне всегда горит свет, – сказал профессор. – Это, должно быть, комната князя. Что ж, надо идти, мы и так опаздываем к ужину. Отсюда до усадьбы почти четыре километра. Теперь вы понимаете, юноша, – спотыкавшийся о камни Сколинский бурно жестикулировал, – зачем мне нужна ваша помощь. Наверняка есть какой-нибудь другой вход, не только через ворота; я знаю, что с западной стороны стёны сильно повреждены, а кое-где даже обрушились. Но вся трудность в том, что близко туда не подойти – увидят из окон. Я не хочу будить подозрений. Поэтому, юноша, вы должны мне помочь, за что, впрочем, получите награду. От вас требуется ночью подобраться к замку под прикрытием тумана и хорошенько разведать пути подхода. На следующую ночь мы отправимся туда вместе, и, если получится, я осторожно проинспектирую эту свалку рухляди. По крайней мере, буду знать, стоит ли предпринимать дальнейшие шаги.

– А если нас поймают?!

– Тьфу! – сказал старик. – Что, уже празднуете труса?

Парень искоса взглянул на профессора, бодро семенившего рядом.

Он не воспринял предложение Сколинского всерьез. Нет, не стоит ему ввязываться в подобную авантюру – если его поймают, он навсегда себя скомпрометирует, и прощай тогда карьера теннисиста.

Поэтому если он и не отказал сразу, то лишь оттого, что испытывал к профессору симпатию; вдобавок все эти рассказы раззадорили его дерзкое воображение. Черт возьми! Кабы не теннис...

«Надо сегодня же вечером поговорить с этой Майей, – решил он. – Узнать, что она думает о моей игре».

– Обсудим это позже, – сказал Вальчак профессору, когда они заканчивали оставленный для них в столовой ужин.

Часть гостей играла в бридж в маленькой гостиной. Оттуда доносился голос худой чиновницы, которая перемежала торговлю кислыми замечаниями о неуместности подобных развлечений, когда, возможно, в эту самую минуту кто-то безнадежно больной мучается в агонии... и так далее.

– Тогда зачем вы играете? – поинтересовался наконец выведенный из себя советник Шимчик.

– Ну уж извините! Что ж, я одна должна лишиться всех удовольствий? – возразила та и сварливо объявила малый шлем.

Майя стояла у окна с женихом, который что-то шепотом ей втолковывал, – похоже, они ссорились.

При виде нее нетерпение Вальчака возросло, он хотел поговорить с девушкой сейчас же, немедленно... Хотя, возможно, лучше было бы обождать до завтра – вдруг у нее еще не прошло то настроение, которое она демонстрировала ему утром?

Лицо Майи не сулило ничего хорошего, на нем читались высокомерие и презрение.

Но он должен с ней поговорить! Должен непременно и тотчас же узнать, каковы его шансы, как ему действовать!

Внезапно панна Охоловская оборвала Холявицкого на полуслове, отошла от него и, попрощавшись с гостями, покинула гостиную. Стремительно.

Вальчак догнал ее наверху, в маленькой прихожей, когда она открывала дверь в свою комнату.

– Минутку! – воскликнул он.

– Что такое? – спросила она негромко. – Чем я могу быть вам полезна?

Тон был злой, неприятный. Вальчак моментально растерял всю свою уверенность.

– Послушайте, – запинаясь, проговорил он, – я бы хотел кое о чем попросить... Мне нужно сказать вам... У меня есть просьба...

– Это срочно? – спросила девушка, взглянув на часики. – Хотя ладно, говорите, – нетерпеливо добавила она. – Уже поздно.

– Я бы хотел поехать в Варшаву и показать свою игру! Вдруг кто-то заинтересуется. Вы там в правлении клуба всех знаете, может, дадите мне рекомендательное письмо или что-то в этом роде... Хозяйка говорила, что у меня талант.

Он чувствовал, что его слова звучат ужасно глупо.

Панна Майя, не отпуская ручку двери, внимательно смотрела на него.

– И что ж, если у вас талант?

– Как – что?.. – Он запнулся. – Тогда все было бы совсем по-другому.

– Разумеется, – сказала она. – Совсем по-другому.

– Разумеется...

– Сейчас вы жалкий тренер, а могли бы стать знаменитым игроком! Перед вами открылись бы все дороги. Мир... Слава... Деньги... Женщины... Путешествия... Удовольствия...

Она сказала это так жадно, так понимающе и так по-свойски, что Вальчак вдруг ощутил с ней какую-то связь. Они посмотрели друг другу в глаза.

Майя рассмеялась тихим и нервным смехом. Он тоже рассмеялся, смущенный и возбужденный одновременно.

Как же она понимает его желания!

И вдруг девушка побледнела, лицо ее стало злым.

– Почему вы смеетесь?!

Он остолбенел.

– Но вы тоже смеялись! – пробормотал он, не зная, что ответить.

– Мне можно, а вам... вам... Вы слишком много о себе возомнили. Еще чего! Талант! Вы играете чуть лучше среднего, так что выбросьте всю эту ерунду из головы! У меня сегодня просто не было желания играть!

И она, не оглядываясь, сбежала вниз.

Он замер как громом пораженный. Не поверил ни одному ее слову.

Но каким тоном она с ним разговаривала!

Если бы мог, он поколотил бы ее за эту злобу и презрение! Она обращалась с ним, как... как с холопом! Что бы такое ей сделать, что бы такое сделать, чтобы запомнила... Да ничего он не может сделать!

И тут через приоткрытую дверь он увидел в комнате шкаф и вспомнил о том, что прочитал в письме, – что там лежат деньги, около полутора тысяч злотых.

Отлично!

«Раз она надо мной смеется, то я стащу у нее эти деньги. Играть не умею, а обокрасть смогу!»

Он огляделся. Из прихожей в гостевые комнаты вели застекленные двери – везде темно, значит никого нет. Все внизу.

И Мариан вошел в комнату панны Охоловской.

Ему доставило удовольствие вот так, без разрешения, переступить порог ее обиталища: это их словно бы уравнивало... Прежде всего он проверил, есть ли отсюда другой выход. Да. Вторая дверь вела в одну из гостевых комнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.